

Табличка на воротах резиденции генерала-защитника государства давно обветшала, краска на ней потрескалась и облупилась, а скорбные белые полотнища погребальных флагов лишь подчёркивали царившее вокруг запустение.

Славный род Пэй из поколения в поколение верой и правдой служил престолу, но теперь от него остался лишь один наследник — тринадцатилетний младший сын.

Мужчина в строгом чёрном одеянии долго стоял перед воротами усадьбы. Наконец он перешагнул через источенный непогодой порог и вошёл в белый поминальный зал.

— Зачем ты явился?! — гневно вскинулся престарелый Правый канцлер.

Боевые товарищи покойного генерала и его старые подчинённые тоже напряглись, готовые в любой момент схватиться за оружие.

Пришелец проигнорировал чужую злобу и страх. Его взгляд сразу отыскал хрупкую фигуру у лакированного чёрного гроба — бледного, но не сломленного горем тринадцатилетнего юношу, который упрямо выпрямил спину.

Он взял три благовонные палочки, поднёс их к огню свечи и, подняв над головой, трижды почтительно склонился перед поминальной табличкой покойного генерала.

Канцлер от возмущения задохнулся и рванулся вперёд, намереваясь прервать обряд, но люди из свиты пришельца непреклонно преградили ему путь.

Опустив догорающие благовония в курильницу, он присел на корточки перед сиротой, заставив того поднять голову.

— Пойдёшь со мной? — спросил он.

— А кто ты? — отозвался мальчик.

— Вэй Шаньцюэ.

— Чанъин! — вскричал перепуганный Правый канцлер. — Тебе нельзя идти с этим извергом! Вэй Шаньцюэ, у тебя же волчье сердце и помыслы предателя! Наш генерал оставил после себя лишь эту единственную сиротскую душу, он не вынесет твоей жестокости!

Юноша сморгнул усталость и с любопытством уставился на пришельца. В столице об этом грозном муже ходили страшные легенды — поговаривали, одно его имя заставляет рыдающих младенцев замолкнуть от ужаса.

— Своё имя... — негромко проговорил мальчик, — ты ведь взял из строк Великого генерала Юэ? «Начнём сначала, соберём утраченные горы и реки, чтобы предстать перед Императорским дворцом»?

Тот не кивнул, но его суровый взгляд на мгновение смягчился.

— Тогда я пойду с тобой.

— Чанъин! Безголовый глупец! — в отчаянии покачал головой Правый канцлер.

Кое-кто из молодых офицеров рванулся было вперёд, чтобы вмешаться, но один из седовласых командиров удержал его за плечо и предостерегающе покачал головой.

Проводив отца в последний путь, Пэй Чанъин распустил слуг. Из всей челяди в опустевшем поместье остались лишь пожилой управляющий со своей женой — присматривать за домом.

Управляющий провожал молодого хозяина полным тревоги и невысказанных слов взглядом. Юноша же, бережно закрепив за спиной отцовский меч, легко взбежал по ступенькам и скользнул в присланный за ним экипаж.

Он и не думал, что внутри его уже кто-то ждёт.

— О, это ты! — непринуждённо бросил Чанъин.

Вэй Шаньцюэ слегка приподнял веки и скользнул взглядом по крошечному, жалкому узелку в руках юноши.

— И это все твои пожитки?

Пэй Чанъин в смущении почесал затылок:

— Да я сейчас быстро расту, из старой одежды почти вырос, толку её с собой тащить?

Собеседник лишь коротко хмыкнул и снова прикрыл глаза.

Экипаж Восточного цеха катился по улицам столицы, и встречные прохожие в ужасе шарахались в стороны, боясь привлечь к себе внимание грозных согладатаев.

Пэй Чанъин изо всех сил старался сидеть так же прямо и чинно, как его попутчик, но любопытство брало верх: он то и дело украдкой посматривал на суровое, словно высеченное из камня лицо главы Восточного цеха.

Ему подумалось, что этот вселяющий всеобщий трепет глава Восточного цеха вовсе не такой страшный, как о нём судачат праздные языки.

Вэй Шаньцюэ делал вид, что не замечает настойчивого, изучающего взгляда подростка.

Когда экипаж замер перед воротами Поместья главы Восточного цеха, Вэй Шаньцюэ открыл глаза. Лицо его оставалось бесстрастным и холодным.

— Стоит тебе переступить порог этого дома, и ты окажешься в полном моём подчинении, — ровно произнёс он. — Если не готов мириться с суровой дисциплиной — говори сейчас. Ещё не поздно повернуть назад.

— Мне позволят упражняться с оружием? — деловито осведомился Чанъин.

— Разумеется.

— А книги по военному искусству найдутся?

— Моя личная библиотека в твоём распоряжении. Читать можешь всё, что пожелаешь.

В завершение расспросов Пэй Чанъин выдал самое насущное:

— Кормить-то будут?

Суровые складки на лбу Вэй Шаньцюэ едва заметно разгладились.

— Голодать не заставлю. Получишь столько, сколько сможешь съесть.

— Тогда решено! — обрадовался юноша и первым выскочил наружу.

Словно молодой жизнерадостный волчонок, он без тени сомнения прыгнул напрямик в зловещее, скованное мертвенным холодом Поместье главы Восточного цеха.

Вэй Шаньцюэ негромко отдал несколько распоряжений застывшим у входа стражам и поспешил за своим подопечным, который уже всю голову вертел, изучая новые владения.

Нагнав мальчика, Вэй Шаньцюэ бесцеремонно схватил его за шиворот и слегка сжал чувствительное место на шее, заставляя замереть.

— Обуздай своё праздное любопытство, — вкрадчиво произнёс он. — В этом доме лишние вопросы и долгие взгляды могут стоить жизни. Запомнил?

Пэй Чанъин даже не подумал сопротивляться — лишь послушно замер под тяжёлой ладонью и преданно, без капли страха уставился на хозяина дома своими чистыми тёмными глазами.

— Всё понял, — послушно кивнул он.

Ещё при первой их встрече в поминальном зале Вэй Шаньцюэ в глубине души поразился тому, как этот ребёнок держится с ним. Никакой ненависти, никакого ужаса. Только удивительное спокойствие и искреннее доверие.

Вэй Шаньцюэ выделил гостю комнату в собственном жилом крыле. Проводив мальчика до дверей, он не выдержал и напрямую спросил:

— Неужели тебе совсем не страшно?

— А чего мне бояться? — искренне удивился Чанъин.

В его простом ответе сквозили чистое ребяческое безрассудство и абсолютная вера в собственную силу.

Юноша снял с плеч ножны и бережно опустил отцовский клинок на изящную резную подставку, которую приметил сразу, едва перешагнул порог комнаты.

Эта подставка некогда принадлежала прославленному полководцу ушедшей эпохи. Чанъин помнил её — когда-то давно отец показывал её ему на торгах. Надо же, значит, именно Вэй Шаньцюэ тогда выкупил это сокровище.

— Почему ты решил, что я должен дрожать перед тобой? — окликнул он хозяина усадьбы, собиравшегося уходить.

Вэй Шаньцюэ помедлил у дверей.

— Обычные люди меня ненавидят, презирают или боятся до беспамятства, — не оборачиваясь, бросил он.

— Ну а сам-то ты что о себе думаешь?

<http://bllate.org/book/20384/2105784>